

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ВЛАДИМИР
БОЛЬШАКОВ**

РИТУАЛЬНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Дело не закрыто

Владимир Большаков

**Ритуальное цареубийство
– правда или вымысел?**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

Большаков В. В.

Ритуальное цареубийство – правда или вымысел? /
В. В. Большаков — «Алисторус», 2018 — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-907028-31-9

Новая книга известного писателя Владимира Большакова посвящена одному из самых кровавых злодеяний XX века — убийству последнего Императора Российского и его семьи в Екатеринбурге, а также других членов Дома Романовых в Алапаевске в июле 1918 года. Прошло сто лет со дня совершения этого преступления, но многие его обстоятельства до сих пор не выяснены. Именно поэтому по настоянию Русской православной церкви следствие по делу о цареубийстве было возобновлено, чтобы определить подлинность «царских останков» и проверить версию о ритуальном характере преступления. Автор рассказывает о том, как и по чьему заказу готовили это преступление три брата Свердловых — председатель ВЦИК Яков Свердлов, американский банкир Вениамин Свердлов и полковник французской армии, разведчик и масон высоких степеней посвящения Зиновий Свердлов (Пешков), какую роль сыграл в этом воротила сионистского капитала Якоб Шифф, а также знал ли об этом Ленин и другие лидеры большевиков. Особое внимание в книге уделено вопросу, было ли цареубийство ритуальным или актом «революционной мести».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-907028-31-9

© Большаков В. В., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Идеологи с топором	8
Русофобы от марксизма-ленинизма	12
«Дело прочно, когда под ним струится кровь...»	15
С пайкой под кожанкой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Большаков

Ритуальное цареубийство – правда или вымысел?

К 100-летию гибели Царской семьи и других Романовых в 1918 году

От автора

Июль 1918 года вошел в историю России как кровавый.

В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге палачи во главе с чекистом Юровским без суда и следствия расстреляли бывшего императора Николая II и всю его семью. За несколько дней до этого чекисты убили престолонаследника великого князя Михаила. В ночь с 18 на 19 июля зверски замучили и сбросили в шахту других членов императорского Дома Романовых в Алапавске.

29 октября 2017 г. в Москве, в храме Христа Спасителя, под председательством Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла открылся Архиерейский собор Русской православной церкви, приуроченный к 100-летию возрождения патриаршества в России. Среди главных тем, обсуждаемых на соборе, стали промежуточные результаты экспертиз подлинности останков Николая II и его семьи, обнаруженные вблизи Екатеринбурга. Вопрос этот для РПЦ и для всех православных граждан России по-прежнему актуален. Могила царской семьи в Петропавловской крепости до сих пор не почитается православными как погребение святых, хотя император и его семья были признаны святыми страстотерпцами еще в начале 2000-х годов. По просьбе РПЦ Следственный комитет с сентября 2015 возобновил расследование по факту гибели царской семьи и подлинности «екатеринбургских останков», заявив, что проверит также версию о ритуальности этого зверского убийства. Такая версия была рассмотрена и на специальной научной конференции, прошедшей накануне открытия Архиерейского собора в Сретенском монастыре Москвы под эгидой его настоятеля епископа Тихона.

Расследование этой трагедии длится уже более 20 лет, а фактически не прекращалось с того момента, как в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге было совершено цареубийство.

Убийство помазанника Божьего и ни в чем не повинных членов его семьи, малолетних детей считается непростительным преступлением и по законам Русской Православной церкви, и по законам любого цивилизованного государства. За это преступление, совершенное руками оголтелых фанатиков от революции по заказу злейших врагов России, нашему народу пришлось заплатить страшную цену. Это был пролог ужасающего «красного террора»¹, залившего кровью всю Россию, жертвами которого стали более двух миллионов человек. Но за этим террором последовал «Большой террор» – кровавую эстафету большевистского геноцида русского народа, начатого в 1918 году при Ленине, передавали из рук в руки головорезы из ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МВД – КГБ СССР уже при Сталине вплоть до его смерти. И там счет жертв шел уже на миллионы.

Президент России Владимир Путин, говоря о преступных репрессиях того времени, сказал:

---

¹ *Красный террор* – комплекс карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны в России (1917–1923) против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Провозглашен декретом ВЦИК от 5 сентября 1918 «О красном терроре».

«...Достаточно вспомнить расстрелы заложников во время Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьянства, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности – ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия. Потому что масштаб колоссальный. Ведь уничтожены были, сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причём это, как правило, люди со своим собственным мнением. Это люди, которые не боялись его высказывать. Это наиболее эффективные люди. Это цвет нации. И конечно, мы долгие годы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Много нужно сделать, для того чтобы это никогда не забывалось» («Труд», 31.10.2007).

Память людская, увы, устроена так, что плохое забывается. Это можно понять. Но непροститительно, когда намеренно предаются забвению путем искажения исторической истины даже самые страшные трагедии.

Для того чтобы понять причины трагедии семьи Романовых, происшедшей в 1918 году в Екатеринбурге и Алапаевске – а это единая трагедия, только в трех актах, необходимо было выяснить следующее: кто заказал царевубийство, кто его организовал и кто исполнил. Важно было понять также, какой характер носило это убийство. Было это произволом местных властей или результатом общего преступного замысла Октябрьского переворота 1917 года? Было это актом отмищения монархии Романовых либо ритуальным убийством? Разобраться во всем этом было нелегко, тем более что пришлось затронуть столь чувствительные темы, как участие евреев и масонов в русской революции.

Следы этого преступления века тщательно уничтожали и скрывали. Уже поэтому разобраться в нем до конца не смогли ни следователи 20-х годов, занимавшиеся этим по поручению верховного правителя России адмирала Колчака, ни их коллеги нашего времени. В этой книге приведены выводы и тех, и других, равно как и некоторые факты, о которых по тем или иным причинам не принято было вспоминать.

Глава первая

Террор как средство управления

Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам.

Ф.М. Достоевский. «Бесы»

Если бы Ленин мог выдержать честную конкуренцию с Бердяевым, Франком, Розановым, Кропоткиным, Плехановым (который справедливо называл его маньяком) и многими другими, зачем бы ему «философский пароход», Соловки, массовые расстрелы священников? Но не мог он выдержать. Отсюда нарастающий ком насилия над людьми и – что ничуть не менее важно – над фактами. От великого т. Сталина, который, безумно боясь потерять власть, истреблял наиболее ярких соратников по партии, до свихнувшегося от вседозволенности мелкого уездного комиссара».

Дмитрий Орешкин. Ежедневный журнал. Москва, 26.04.2010

Идеологи с топором

Читая и перечитывая биографии теоретиков и практиков красного террора, их труды и свидетельства очевидцев их жизни и смерти, начинаешь понимать, в чем они схожи. Все они – по Достоевскому – «бесы» и принадлежат к одной и той же категории безнравственных властолюбцев и авантюристов, готовых погубить миллионы людей ради утверждения своей власти над ними. Сначала в масштабах одной страны, а затем и всего человечества. У таких людей комплекс превосходства, как правило, соседствует с комплексом неполноценности, который они тщательно скрывают.

В жертву Интернационалу

А это, в свою очередь, у некоторых из них оборачивается неудержимой похотью и сексуальными извращениями, а у других— полной импотенцией. Ими движет почти генетический механизм самоутверждения за счет других, заложенный в них самой природой, их не оставляет синдром мести за все обиды с пеленок до гробовой доски.

Чтобы как-то компенсировать эту свою духовную убогость, и прежние, и нынешние Смердяковы искренне верят либо утверждают, что верят, будто всё ими творимое, включая самые чудовищные преступления, свершается во имя некоей высшей цели, великой идеи и во благо несовершенного человечества. Они так обожают себя любимых и так верят в свое великое предназначение, что более всего на свете боятся, причем порой даже больше смерти, потерять власть и то положение лидеров, которого им удалось добиться. И, когда это им реально угрожает, готовы пойти на что угодно, дабы избежать бесславного конца. По-своему такие люди столь же опасны, как и глубоко несчастны.

Интересно, что во время своего последнего пребывания в Париже в марте— апреле 1936 г. Николай Бухарин во время своей встречи с известным меньшевиком Ф.И. Даном (Гуревичем) (1871–1947) и его женой говорил им о Сталине, что тот «даже несчастен оттого, что не может уверить всех и даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое “несчастье” он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его...». Удивительное признание человека, который знал Сталина очень близко. «Если кто лучше его говорит, он обречен, – рассказывал Бухарин, – он уже не оставит его в живых, ибо этот человек— вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше его пишет— плохо его дело... Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, не человек, а дьявол».

На вопрос же Дана, как могли Бухарин и другие коммунисты доверить этому дьяволу судьбу страны, партии и свою собственную, собеседник признался: «...Вот уж так случилось, что он вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но

так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент». Увы, и Бухарин со товарищи были из той же породы, что и Сталин. Все они Смердяковы, только от разных родителей.

Нередко такие люди обладают незаурядными способностями, даже талантами. Но ставят их на службу дьяволу. Такими были Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Радек, Ежов, Берия... Неудивительно, что в руководстве «ленинской гвардии» ВКП(б) – КПСС и ВЧК – ОГПУ – НКВД как ленинского призыва, так и последующих, такие типажи составляли подавляющее большинство. Всех их объединяла помимо смердяковщины еще и ненависть к России и русскому народу, к русской истории и культуре, потому что они были чужды всему русскому по самой своей природе, даже если сами были русскими по крови. Русская цивилизация столкнулась в 1917 году, как мощный, изящный, но, увы, хрупкий «Титаник» с невиданным айсбергом варварства и невежества.

Правившие Россией большевистские клики Ленина – Дзержинского— Свердлова— Троцкого, а затем Сталина – Ягоды – Ежова – Берии – Хрущева не только залили нашу страну кровью, но и методически уничтожали ее духовно. От Хрущева до Горбачева этот духовный геноцид продолжался, хотя и без прежних кровавых репрессий. В результате формировавшаяся за железным занавесом «новая историческая общность— советский народ», отринув религию предков, выпала из русла русской цивилизации, которая была неотъемлемой частью цивилизации европейской, построенной на базе христианства. А цивилизации, как известно, формируются тысячелетиями, и вернуться туда, просто поменяв пятиконечную звезду на двуглавого орла, в одночасье никак не получится. России предстоят долгие годы очищения и самосовершенствования.

Мы уже платим за оскверненные мощи наших святых и разрушенные храмы, за весь погром русской духовности, устроенный большевиками и их чекистской сворой. Каждый день мы читаем в Интернете страшные сообщения, которые просто не укладываются в голове. Рядом с нами живет мать – убийца своих детей, мать, продавшая сына на органы, дочь, заказавшая убийство своих родителей, чтобы получить их жилплощадь, отец, выбросивший новорожденных с десятого этажа, убийца священника, ограбивший церковь, подростки из банды на Кубани, вырезавшие детей на глазах их родителей. Все это творится в современной России, пораженной тотальной коррупцией, воровством, бандитизмом и произволом. А искать этому всему корни надо там— «в горниле революции». Во что это все еще обойдется русскому народу, сейчас никто сказать не сможет.

История человечества учит нас, что потеря духовности не раз оборачивалась для прежде великих народов потерей национальной идентичности, утратой независимости и государственности. Это, как мы знаем, едва не случилось и с Россией после 1991 года. А в этой «планетарной катастрофе», по терминологии Владимира Путина, господа чекисты повинны не меньше, если не больше своих партийных бонз со Старой площади. На этом фоне попытки представить лидеров большевиков и гэбистов в памяти народа исключительно рыцарями революции без страха и упрека – верх цинизма и показатель презрения коммунистов и нынешних чекистов к собственному народу. Достаточно почитать интервью Директора ФСБ А.В. Бортникова «Российской газете» по поводу столетия ВЧК, где он заявил по поводу сталинских репрессий следующее: «Хотя у многих данный период ассоциируется с массовой фабрикацией обвинений, архивные материалы свидетельствуют о наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов» («Российская газета», 19.12.2017). Тут, как говорится, ни убавить ни прибавить.

Русских людей и прежде всего молодежь— старики то узнали правду об этом кровавом «периоде» на своей собственной шкуре— учат воспринимать всех чекистов как Исаева-Штирлица и майора Вихря, а не как пыточных дел мастеров из тюрем КГБ в Лефортово или в Сухановке. Да, на Лубянке работали и Штирлицы, и Вихри, хотя и многих из них после пыточных

камер на Лубянке и в Лефортово расстреляли без суда и следствия. И все же, когда в одном строю маршируют и палачи, и герои, то палачи от этого героями не становятся. А вот героев, увы, воспринимают как палачей.

Русофобы от марксизма-ленинизма

Возлюбить чекистов-гебистов нас хотят заставить, апеллируя к естественному для русского человека патриотизму. Но я позволю себе напомнить читателю, что с самого начала чекизм был явлением антирусским и антироссийским, а русских патриотов объявил смертными врагами Советской власти. Так, в самом начале красного террора в «Еженедельнике ВЧК» было опубликовано постановление «Применение расстрелов», где были перечислены категории граждан России, подлежащие смертной казни без суда и следствия. Среди них под пунктом № 14 значилось, что расстреливать надлежит «Всех членов бывших патриотических и черносотенных организаций» (Еженедельник ВЧК, 1918, № 1, с. 11).

Под юбилейные фанфары 100-летия «органов» никто в православной России не стал вспоминать о том, что основатель ВЧК Дзержинский, как и многие лидеры большевиков, был патологическим русофобом. И, как Ленин, говорил, что на Россию ему плевать. Именно в таком духе он воспитывался в польской школе и в большевистских «университетах». Не без основания российские историки говорили об «антирусском характере» революций 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской. Большевистское подполье во главе с Лениным готовилось после захвата власти в России выполнить указания своих идейных вождей Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

А основоположники марксизма и их последователи в России, да и в Западной Европе, были патологическими русофобами в первую очередь потому, что русский народ никак не удавалось поднять на «весну народов», т. е. на революцию, на его исторической родине. Маркс с Энгельсом этого и не скрывали: «Нам было ясно, что революция имеет только одного действительно страшного врага – Россию».

Ленин, по свидетельству Молотова, видел главную опасность для большевизма в «великорусском шовинизме», то есть в патриотических чувствах русского народа. Основную помеху в претворении своих антирусских идей в жизнь Ленин усматривал в приверженности русского человека к добру, в его добротолюбии. Как вспоминал Троцкий, «Владимир Ильич говорил: “Главная опасность в том, что добер русский человек... Русский человек рохла, тютя”».

Ненависть и презрение к русским у Ленина с приходом к власти приобрели воинствующий характер. Его записки часто полны эпитетов «дурак», «идиот» применительно к нашему народу. «Русским дуракам раздайте работу», – любил говорить Владимир Ильич.

Причины ленинской русофобии нельзя объяснить только его происхождением от еврея Моше Бланка. Ленин был последовательным марксистом в «русском вопросе», ведь Маркс и Энгельс открыто выступали за уничтожение «реакционного» славянства, прежде всего русских.

Энгельс в своей статье «Демократический панславизм»: открыто призывал к «беспощадной борьбе со славянством... в интересах революции! (Написано Ф. Энгельсом 14–15 февраля 1849 г., напечатано 15 и 16 февраля 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung», № 222, 223. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 6. С. 306.)

Пик русофобской деятельности «основоположников» пришёлся на период Крымской войны (1854–1856), когда на Россию напала целая коалиция западных стран во главе с Британией и Францией. Маркс и Энгельс страстно призывали превратить эту войну в «священную борьбу европейских наций» против России (удивительно, но примерно под тем же лозунгом Гитлер воевал против Советского Союза уже в середине двадцатого века). Энгельс даже пытался обосновать теорию военного похода на Москву, которая позволила бы европейским союзникам избежать тех ошибок, которые совершил Наполеон во время войны 1812 года. Оба «основоположника» завязали дружескую переписку с польским террористом Теофи-

лом Лапинским, публично призывавшим либо «истреблять русский народ поголовно», либо загнать его «как дикого зверя» за Урал, в сибирские снега.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Карл Маркс написал ряд русофобских статей для американской газеты «New York Daily Tribune», а затем с августа 1856 по апрель 1857 года в том же духе выступал на страницах лондонской «The Free Press». В тех работах Маркс не только оправдывает вторжение западной коалиции, в Крым, но и выражает о России своё мнение как о государстве варваров. И против этих «варваров», призывал он Запад, надо выступить военным походом для продвижения европейских интересов далее на Восток. (См.: Маркс против России (анализ неизвестных статей). Мюнхен: Издательство Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЕ), 1961. С. 17–18, 58. *Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века / Разоблачения тайной дипломатии // Вопросы истории.* 1989. № 1–4; *Чернов В.М. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Русские Записки.* 1916. № 11–12; *Munck R. The Difficult Dialogue. Marxism and Nationalism.* London: Zed Books, 1986.)

В советские годы гигантский научный центр по имени Институт марксизма-ленинизма в Москве либо скрывал, либо редактировал до невинности русофобские высказывания классиков марксизма. И тем не менее даже во второе издание их собрания сочинений проник такой пассаж из работы Ф. Энгельса «Демократический панславизм»: «Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не мешают нам относиться к нашим врагам как к врагам» (*Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 6. С. 305–306*). «Россия стала колоссом, не переставшим вызывать удивление. Россия – это единственное в своем роде явление в истории: страшно могущество этой огромной империи в мировом масштабе, – писал Маркс в своих письмах в середине XIX века. – В России, у этой варварской расы имеется такая энергия и активность, которых тщетно искать у монархий более старых государств. Славянские варвары, – писал далее основатель научного коммунизма и проповедник “пролетарского интернационализма”, – природные контрреволюционеры. Поэтому необходима беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть со славянством, предающим революцию (выделено мной. – В.Б.)».

Ф.Энгельс уточнял «направление главного удара»: «В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом... Ближайшая борьба с Россией выдвинет великий вопрос: быть Европе конституционной или казацкой». (Это письмо не было включено в собрание сочинений Маркса и Энгельса. Оно было написано, как уже говорилось, Ф. Энгельсом 14–16 февраля 1849 года и напечатано в «Neue Rheinische Zeitung» (№ 222–223. 15–16.02.1849.) Вот когда еще были заложены «теоретические» основы геноцида российского казачества, осуществленного ВЧК по указке Якова Свердлова!

Эти марксистские установки, которые большевики старались скрывать не только от русских, но и от других славянских народов, как известно, впоследствии использовал еще один «социалист», точнее фюрер национал-социалистов, Адольф Гитлер, соотечественник Маркса, провозгласив физическое уничтожение славян главной целью своего похода на Восток. Верховное главнокомандование вермахта и Верховное главнокомандование сухопутных войск издавали специальные директивы, освобождавшие офицеров и солдат вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм во время войны в России. Так, генерал Эрих Гёпнер в своем приказе по 4-й танковой группе, разгромленной в 1941 году под Можайском, писал, что война с Россией – «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия московитов и азиатов и еврейского большевизма. Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью» (см.: Залесский К.А. Кто

был кто в Третьем рейхе. М.: АСТ, 2002). Наверняка герр Гёпнер в юные годы штудировал Маркса.

«Дело прочно, когда под ним струится кровь...»

История создания Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), от которой ведет свою родословную вся советская репрессивная спецслужба ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ весьма примечательна. И месяца не прошло после Октябрьского переворота, как 6 декабря 1917 года Совет народных комиссаров (СНК, Совет министров у большевиков. – В.Б.) рассматривал вопрос «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе». Заметьте— только о «возможности»! И что тут было так волноваться по поводу того, что госслужащие решили воспользоваться своим правом на забастовку, за которое так упорно боролись российские революционеры всех мастей, включая большевиков?!

А тут было принято решение создать «чрезвычайную комиссию» для «выяснения возможности борьбы» с такой забастовкой путем «самых энергичных революционных мер». На пост председателя комиссии была предложена кандидатура Феликса Дзержинского. «Железный Феликс» увидел в этом шанс создать свою машину «революционного» террора. Он учел, что за неделю до этого обсуждения 1 декабря 1917 года ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) рассмотрел вопрос о реорганизации Военно-революционного комитета и образовании вместо него отдела по борьбе с контрреволюцией. 7 декабря (20-го по новому стилю) Дзержинский на заседании СНК сделал доклад уже не о *возможной* забастовке государственных служащих, а о задачах чрезвычайной комиссии, которая по его проекту получала право «производить аресты и конфискации, выселять преступные элементы, лишать продовольственных карточек, публиковать списки *врагов народа*». Вот когда появился этот зловещий термин. На том памятном заседании Совнаркома, где было принято решение о создании ВЧК, Дзержинский, по воспоминаниям Троцкого, выступил с такой речью: «Революции всегда сопровождаются смертями. И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Я требую одного— организации революционной расправы!» (цит. по: *Гуль Р.* Дзержинский; см. также: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1922). Сб. док. М., 1958, № 144). Его ВЧК и стало *организацией расправы* не только над всеми инакомыслящими, но и над всем русским народом, а красный террор – методом управления страной на долгие годы. СНК во главе с Лениным, заслушав Дзержинского, с его предложениями по наделению нового органа чрезвычайными полномочиями согласился. Именно по предложению Ленина было принято постановление, подтверждавшее непосредственное подчинение ВЧК Совнаркому, а не ЦИК, как предполагалось изначально: «Совет народных комиссаров признает, – говорилось в постановлении, – что какие бы то ни было изменения постановлений комиссии Дзержинского, как и других комиссий, назначенных Советами, допустимы только путем обжалования этих постановлений в Совет народных комиссаров» (ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 31-об. См. также: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 23–27).

ВЧК, таким образом, с самого начала стала одновременно и политическим, и карательным органом исполнительной власти. Эта роль ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ оставалась неизменной все годы существования системы государственного чекизма.

Семья купца Поленова. Расстреляна ЧК в 1918 году. Вся, включая детей

Отметим еще один немаловажный аспект: новая спецслужба начала свою работу с нуля. Сотрудников царской охраны и полиции туда не брали. В ЧК пришли опытные революционеры, вчерашние налетчики и террористы, но в том, что касается правоохранительных органов и разведки, все они, включая самого Дзержинского, были невеждами и в лучшем случае – дилетантами. Профессиональные навыки им заменяли правовой нигилизм и пресловутое «классовое чутье». Ожидать справедливости в общечеловеческом понимании этого термина от «рыцарей революции» из ЧК было наивно. Дзержинский считал: «Работники ЧК— это солдаты революции. *Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно* (выделено мной. – 8.6.)». Ленин и другие лидеры революции согласились и с этим. И многие потом за это поплатились собственной головой. С февраля 1918-го – заметьте, задолго до официального объявления «красного террора» – на основании декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности» чекисты получили чрезвычайные полномочия и право применять высшую меру без суда и следствия (вплоть до расстрела на месте). Только 5 сентября 1918 года это «право» ЧК было подтверждено постановлением СНК «О красном терроре». Руководство партии большевиков и СНК, государство, принимавшее человеконенавистнические законы, дали своей карательной системе (куда, кстати, входили и прокуратура, и суды) право на полный правовой беспредел.

Член Петроградского военно-революционного комитета, руководитель Бюро комиссаров ВРК, в июле— ноябре 1918 года возглавлявший ЧК и Военный трибунал, первый официальный историограф советских спецслужб Мартын Лацис утверждал: «ЧК – это не следственная коллегия и не суд... Это боевой орган партии будущего, партии коммунистической. Она уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концлагерь. Что слово – то закон. Нет такой области, куда не должна вмешиваться ЧК». Совнарком облачал эту карательную риторику в декреты и постановления. Органы госбезопасности получали все большие полномочия. И власть ЧК становилась всеобъемлющей.

Активные аресты по политическим мотивам, проведенные ВЧК накануне и после Учредительного Собрания, стали предметом острых разногласий между Наркоматом юстиции, во

главе которого стоял левый эсер И.З. Штейнберг, и ВЧК, которую возглавлял Ф.Э. Дзержинский.

Позицию СНК по вопросу о взаимоотношениях ВЧК с другими государственными органами определял В.И. Ленин. Он категорически не признавал ни за Наркоматом юстиции, ни за Наркоматом внутренних дел права вмешиваться в дела «Комиссии Дзержинского», которой предписывалось лишь извещать эти наркоматы «об арестах, имеющих выдающееся политическое значение» (см.: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 23–27, 29–31). Что ни слово у Ленина о красном терроре, то песня! Дракула – сосунок по сравнению с этим ненасытным красным вампиром.

Левые эсеры настаивали на введении в состав ВЧК представителей от их партии, которая в тот период состояла в правительственном блоке с большевиками.

Ленин выступает с речью в Петрограде, на Дворцовой Площади, 19 июля 1920 г. Снимок сделал известный фотограф Виктор Булла в день открытия 2-го конгресса Коминтерна

В январе 1918 г. четверо левых эсеров вошли в состав коллегии ВЧК, где оставались до июля 1918 г. Товарищем председателя ВЧК стал левый эсер В.А. Александрович, имевший такие же полномочия, как и Дзержинский. По мнению большинства исследователей, левые эсеры оказывали сдерживающее влияние на репрессивную деятельность Комиссии, особенно в отношении политических противников. Под их воздействием, например, 18 марта 1918 г. было принято решение о недопустимости провокаций – использование секретных сотрудников допускалось только в борьбе со спекуляцией. Впоследствии коммунисты и это решение отменили.

23 февраля 1918 года ВЧК направила во все Советы радиотелеграмму с рекомендацией немедленно организовать в районах чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, по примеру Петроградской ЧК, если таковые еще не организованы. Одной из первых была образована Московская ЧК. Вслед за ней стали создаваться отделы и комиссариаты по борьбе с контрреволюцией в других городах. 12 июня 1918 года I Все-

российская конференция ЧК приняла «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий». В августе 1918 года в Советской республике насчитывалось 75 уездных чрезвычайных комиссий. К концу года было создано 365 уездных ЧК. Сеть организованного красного террора была наброшена на всю Россию. Постоянно расширяющийся круг задач и полномочий ВЧК предопределил появление в ее структуре, наряду с отделами по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, целого ряда новых структурных подразделений. В августе 1918 г. для борьбы с «враждебными элементами» на железнодорожном и водном транспорте был образован Транспортный отдел. В декабре 1918 г. для производства обысков, арестов и наружного наблюдения создан Оперативный отдел. В январе 1919 г. сформирован Особый отдел, на который постановлением ВЦИК от 21 февраля 1919 г. возлагалась «борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте». На местах при губернских Чрезвычайных комиссиях создавались особые отделы (фронтовые и армейские), подчиненные непосредственно Особому отделу ВЧК. В их задачи входила активная борьба с контрреволюцией не только на фронте, но и в тылу. Работу этого отдела курировал, как член ЦК РКП(б), И.В. Сталин, которому начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров делал еженедельные доклады. В сентябре 1919 г. в структуре ВЧК появился Экономический отдел, в задачи которого входило ведение борьбы с «экономическим шпионажем, вредительством и диверсиями» в народном хозяйстве. В декабре 1920 г. на базе одного из отделений Особого отдела был организован Иностранный отдел. Особо следует сказать о Секретном отделе ВЧК, названном впоследствии Секретно-политическим. Его сформировали в феврале 1919 г. специально для борьбы с «анти-советскими партиями, политическими группами и организациями», а также для слежки за интеллигенцией и духовенством. Все вышеперечисленные отделы ВЧК в дальнейшем стали традиционными структурными подразделениями центрального аппарата советских органов госбезопасности, поскольку сфера их интересов оставалась неизменной со времен существования ВЧК. (См.: Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. Глава 2.)

С первых лет революции чекистский карательный корпус стал весьма влиятельной силой. С ним не могли не считаться. Его боялись даже руководители партии и Советского государства. В 20-е годы, как мы уже знаем, в партии еще ставился вопрос об ограничении полномочий ЧК, но всякий раз безуспешно. В.И. Ленин сделал заявление о полной поддержке и защите структуры, «подвергшейся за некоторые свои действия несправедливым обвинениям со стороны ограниченной интеллигенции... неспособной взглянуть на вопрос террора в более широкой перспективе» (Ленин и ВЧК... с. 122). «Орган революционной расправы» был поставлен вне критики по распоряжению самого Ленина. ЦК РКП(б) по его предложению издает Постановление от 19 декабря 1918 года, юридически закрепив запрет любой критики в отношении деятельности ВЧК: «На страницах партийной и советской печати, – говорилось в этом документе, – не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях» (Ленин и ВЧК... с. 133).

Террор ЧК вызвал всеобщее недовольство и едва не привел к краху Советской власти уже в первые годы ее существования. Даже после окончания гражданской войны в стране не прекращались крестьянские восстания. То и дело вспыхивали антикоммунистические мятежи. Страну постигла невиданная разруха. Россия вымирала, и этот страшный процесс только ускорял непрекращающийся красный террор. Казалось, что объявление НЭПа, на что большевики пошли вынужденно, чтобы удержать власть в стране, заставит заплеванных дел мастеров из ВЧК-ГПУ хотя бы на время умерить пыл. Не тут-то было. Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода в своем докладе «ВЧК-ГПУ. Историческая роль и задачи», озвученном в 1923 году, говорил: «ГПУ отличается (от ВЧК. – В.Б.) лишь конкретными своими задачами в условиях новой экономической политики... Частный капитал должен был получить гарантию сво-

его правового существования... В связи с этим переходом на путь определенной законности должна была измениться и борьба с нашими врагами, процесс наказания и обезвреживания их... НЭП... изменил облик наших врагов и выдвинул новых. НЭП оживил контрреволюционные элементы, загнанные в подполье, которые начали проводить контрреволюционную работу, используя легальную возможность; НЭП возродил враждебный нам класс — буржуазию». Это было прямое указание на возобновление политических репрессий, которые и в ходе НЭПа оставались неотъемлемой частью большевистской государственной доктрины. На XII Всероссийской конференции РКП(б) председатель Петросовета Григорий Зиновьев (расстрелян в 1936 году) подтвердил это вновь от имени руководства партии: «Если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот год, я скажу: новое заключается в том, что антисоветский лагерь перестраивается по-новому... Он использует каждую щелчку в новом этапе нашей революции, чтобы использовать в своих целях нашу советскую легальность... Меншевистская и антисоветская вообще формула гласила так: “Вслед за экономическими уступками дайте нам политические уступки”. Мы ответили на это на XI съезде: “Отступление в области экономики останавливается”. По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа... Мы должны сказать более ясно: “В области политической наше наступление продолжается”».

Между тем по марксистской схеме диктатура пролетариата по мере утверждения революции должна была со временем перейти в «народное самоуправление». Ну а при «народном самоуправлении», как предполагалось, в подавлении просто не было бы никакой нужды.

В марксистской «Утопии» не оставалось места ни национальным различиям, ни государственным границам. Человечество объединялось на базе «социальной справедливости» и все свои разногласия решало мирно, добровольно соблюдая все правила социалистического общежития. Ленин поэтому поначалу считал, что «сопротивление эксплуататоров «будет постепенно ослабевать» (надо понимать, по мере их физического уничтожения или «перевоспитания» в чекистских концлагерях вроде того, что действовал на Соловках), а значит, должна была ослабевать и необходимость в их подавлении. Он писал, что после победы революции классовая борьба постепенно сойдет на нет, что будущее коммунистическое общество, где все будет поделено «по справедливости», станет классово однородным. Государству, утверждал Ленин в своей канонической для членов КПСС работе «Государство и революция», предстояло постепенно «отмереть», как и демократии. На недоуменный вопрос отвечу, что и демократия, по мысли марксистов, есть не что иное, как подавление – либо подавление меньшинством большинства (буржуазная демократия), либо большинством меньшинства (социалистическая демократия). Иной трактовки демократии большевики не принимали принципиально. (См.: Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 33. С. 1–120.) И в этом следует искать «теоретическое обоснование» перманентного чекистского террора, который даже после победы в гражданской войне не ослаб, а стал усиливаться, достигнув своего апогея в сталинские годы.

После победы большевиков в гражданской войне и смерти Ленина в 1924 году стало ясно, что государство отмирать никак не хотело, так как революция превратилась в государство. Со всеми отсюда вытекающими. В партии в те годы развернулась борьба именно вокруг того, каким путем идти России дальше. Это была борьба не только за «чистоту марксизма», но прежде всего за власть.

Большевистские лидеры предлагали разные пути восстановления народного хозяйства: от опоры на Запад (Зиновьев) до создания трудовых армий (Троцкий). Особняком стоял Бухарин со своей теорией «социализма» мелких собственников (как в наше время сказали бы «среднего класса»), которая учитывала исторические и этнические особенности России, но в рамках известных бухаринских рекомендаций насчет переплавки в горниле революции «человеческого материала». Сталин считал, что помочь Советской России Запад, вопреки прогнозам

Троцкого и Бухарина, не только не захочет, но и не сможет. В 1924–1934 годах экономическая ситуация в капиталистическом мире во многом напоминала ситуацию 1984–1994 годов в России. Запад погружался в безысходный кризис. Из него можно было выйти только двумя путями: за счет дешевой рабочей силы и дешевого сырья, которые можно было найти в колониях и в России. И путем новой мировой войны. Иного не было дано. Отсюда курс Сталина на опору на собственные силы, на «строительство социализма в одной стране», на «социалистическую индустриализацию», жестокую и принудительную коллективизацию сельского хозяйства.

Во время первой пятилетки именно ОГПУ возглавило кампанию по коллективизации. Ее задачи четко определил Сталин. Речь, по его словам, шла прежде всего о «ликвидации кулаков как класса». Сословный геноцид продолжался теперь уже в деревне. В «кулаки» чекисты записывали не только зажиточных, но и бедных крестьян, заподозренных в сопротивлении коллективизации, даже тех, кто регулярно ходил в церковь. Первые массовые аресты глав кулацких семей были произведены ОГПУ в конце 1929 года. Все они были расстреляны. Затем, в начале 1930 года, тысячи кулацких семей были согнаны на железнодорожные станции, погружены на платформы для перевозки скота и отправлены в самые глухие места Сибири, где их бросали на произвол судьбы, не заботясь о том, выживут они или нет. В этой операции по переселению около 10 миллионов крестьян и в организации колхозов ОГПУ помогали 25 тысяч молодых членов партии, так называемые «двадцатипятитысячники», которые по своей жестокости по отношению к «классовым врагам» нередко не уступали чекистским головорезам. Зверства в ходе этой операции творились такие, что даже некоторые чекисты не выдерживали. В воспоминаниях Исаак Дойчера есть рассказ о его встрече с уполномоченным ОГПУ, который вернулся после «раскулачивания» из деревни: «Я старый большевик, – говорил он мне со слезами на глазах, – я боролся против царя, потом воевал на Гражданской войне, неужели я делал все это для того, чтобы теперь окружать деревни пулеметами и приказывать своим солдатам стрелять, не глядя, в толпу крестьян? Нет, нет и нет!»

К началу марта 1930 года ОГПУ с помощью «двадцатипятитысячников» загнали более половины крестьян России в колхозы. Результат не заставил себя долго ждать. Паралич сельского хозяйства – прямое следствие коллективизации – усугубила резко возросшая продрозверстка, за этим последовали засуха и неурожай 1932 года. Наступил самый страшный голод за всю историю Европы XX века, который впоследствии на Украине назовут голодомором. Но он поразил не только Украину – все прежде хлебоборонные районы СССР. В 1932–1933 годы от голода умерло почти 7 миллионов человек. В партийных архивах было найдено вот такое воспоминание свидетеля этой трагедии: «Страшной весной 1933 года я видел, как люди умирают от голода. Я видел женщин и детей с вспухшими животами, кожа у них становилась синей, но они все еще дышали, хотя глаза у них были пустые, безжизненные. И трупы, трупы, мертвые тела в рваной овчине, на ногах грязный войлок, трупы в крестьянских хатах, на тающем снегу...».

Для того чтобы оправдать все те нечеловеческие жертвы, которые нация принесла, «строю социализм», Сталину нужен был прежде всего внешний враг. После этого найти врагов внутренних проблемы уже не составляло. К 1925 году и к очередному XIV съезду партии была сформулирована концепция «враждебного окружения». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» под редакцией Сталина читаем по этому поводу: «Пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность капиталистической интервенции...

...Чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение...

Из этого следует, что победа пролетарской революции в капиталистических странах является кровным интересом трудящихся СССР».

Доктрина, как видим, более чем прозрачная. Сталин также поставил на мировую революцию, как и Ленин. Об этом говорит не только его активная, в том числе и военная, поддержка

коммунистов Испании в их борьбе против Франко и Гитлера, а также поддержка коммунистов Китая. Этот курс не исключал и территориальной экспансии, как показали действия СССР в 1939–1940 гг. (война с Финляндией, аншлюс Бессарабии, Западной Украины и Прибалтики). И все же, выдвигая свою теорию о построении социализма в одной стране, Сталин мировую революцию отодвигал на более далекую перспективу— когда созреет революционная ситуация.

А для того, чтобы она созрела, главную роль в тогдашних «горячих точках» Сталин отводил не своим военным, а эмиссарам НКВД-ОГПУ. Однако после поражения в Испании Сталин убедился, что прямая конфронтация с капиталистическим миром ему пока не по силам. В этом, кстати, одна из причин его попыток умиротворить Гитлера. К концу 30-х годов куда больше, чем на революционные выступления пролетариата, Сталин рассчитывал на мобилизацию на Западе симпатий как рядовых, так и влиятельных граждан, сочувствующих революционным переменам в России. Это в ряде случаев удалось, что позволило чекистам использовать их в качестве агентов влияния и своей агентуры. И это, надо признать, принесло сталинскому режиму куда большие дивиденды, чем революционные авантюры. Сочувствующие вроде Романа Ролана и Луи Арагона, Фейхтвангера, Сикейроса и Герберта Уэллса, Чарли Чаплина и Теодора Драйзера были резервом Сталина. Он его активно мобилизовал для своего пиара, чтобы скрыть от мировой общественности правду о репрессивном характере его режима и о тех чудовищных преступлениях, которые творились в концлагерях ГУЛАГа и на расстрельных полигонах НКВД. И именно через «сочувствующих» гэбисты добывали за рубежом военные секреты, в том числе секреты атомной бомбы, и другую разведывательную информацию.

После смерти Ленина Сталин, вопреки заветам «нашего учителя», объявляет, что по мере строительства социализма сопротивление классовых врагов будет нарастать. Страна была переведена практически на полувоенное, казарменное положение и еще не один год после смерти Сталина из него не выходила. Отсюда и все другое – от полувоенной организации управления партией и страной до террора против политических противников сталинистов и просто против инакомыслящих.

Концепция госбезопасности при этом строилась на доктрине внешнего врага + врага внутреннего, который внешнему помогает. *Результат оказался поистине чудовищным – органы госбезопасности СССР принялись обеспечивать не безопасность своих сограждан, как это делается в любой цивилизованной стране, а безопасность государства от его собственных граждан.* Конечно, для этого нужны были люди особого склада. И большевики их нашли.

С пайкой под кожанкой

При всякой смене общественного строя и неизбежной при этом смене элит во власть приходят не только истовые революционеры. По большей части властные вакансии заполняют истовые карьеристы и патентованные мерзавцы. В ведомстве Дзержинского их оказалось предостаточно. Ведь в те голодные годы работать в ВЧК было не только престижно, но и выгодно. Стрелять были готовы не за идею, а за пайку. В 1918 году зарплата члена коллегии ВЧК была 500 руб., что равнялось окладу наркомов. Рядовые чекисты получали 400 руб. Помимо денежного вознаграждения сотрудники ВЧК получали продовольственные и промышленные пайки, обмундирование (знаменитые кожаные куртки и хромовые сапоги).

Первые руководители ЧК преимущественно были, естественно, из числа так называемых профессиональных революционеров: сам Дзержинский – из дворян, правда без образования, дворяне с университетским образованием – Менжинский, Бокий, высшее образование было и у Вольского, Урицкого и Уншлихта. Однако они были в ЧК исключением. По данным справочника исследователей «Мемориала», общеобразовательный уровень сотрудников ВЧК – ОГПУ – НКВД довольно долго не поднимался выше выпускников местечковых хедеров и церковно-приходских школ (*Петров Н., Скоркин К. Кто руководил НКВД, 1934–1941. М., Звенья, 1999*). Так, к осени 1938 года процент руководящих работников НКВД, имеющих лишь начальное образование (или вообще никакого), был максимальным — 42,67. Количество чекистов-начальников со средним или незаконченным средним в 1930-е гг. колеблется в пределах 36–44,5 процентов. По своим профессиям даже многие руководители многочисленных служб НКВД тоже оказались на уровне «ниже плинтуса»: наборщик, ремонтный рабочий, отнотсчик посуды, баночник, приказчик, рассыльный, фармацевт, «мальчик в магазине», репетитор, нагревальщик заклепок, батрак, конторщик... По социальному составу после революции около 80 процентов сотрудников ЧК были рабочими и крестьянами, представители «эксплуататорских классов» не приветствовались. К концу 1930-х гг. в руководящих кадрах НКВД резко подскочил процент выходцев из села – с 17 до 45 процентов, в то время как уровень тех, кто в анкетной графе писал «из рабочих», не столь резко колебался в пределах 25–34 процента. Именно этот контингент осуществлял массовые репрессии 1933–1937 гг. «Ясно, чьими руками Сталин осуществлял массовый террор: ставка делалась на полуграмотных исполнителей», – комментируют эти цифры Н. Петров и К. Скоркин.

Начиная с 1939 года высшее или незаконченное высшее образование имели уже 38 процентов, тогда как в предшествующие годы их было не более 15 процентов. Лозунгом Ильича «Учиться! Учиться! И еще раз учиться!» руководствовались и в органах.

Теперь о партийности чекистов. По данным на октябрь 1918 г., в 94 губернских и уездных комиссиях из 450 руководящих работников 403 были коммунистами, 40 – сочувствующими коммунистам и семь — членами «мелкобуржуазных партий». Этот «разгул демократии» продолжался, однако, недолго. «Попутчиков» вычистили всех до единого еще в 20-х годах. С тех пор партбилет РКП(б) для чекистов стал как бы частью и честью мундира. Кожаную куртку без него не выдавали. Как у Козьмы Пруткова: «Нет адъютанта без аксельбанта!» При подборе руководящих работников для ЧК принадлежность к РКП(б) считалась обязательным условием. В 65 из 94 чрезвычайных комиссий, в том числе во всех губернских ЧК, ответственные должности занимали коммунисты. Так партия становилась «вдохновителем и организатором» репрессий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.